

М. Ю. Нечаева

НАЧАЛЬНЫЕ ШКОЛЫ ПРИ МОНАСТЫРЯХ ВОСТОЧНОГО УРАЛА

Первые упоминания о внимании обитателей Восточного Урала к обучению детей элементарной грамотности относятся к первой четверти XVIII века.

Традиционно считается, что родоначальником просвещения в Зауралье стал Верхотурский Николаевский мужской монастырь¹. Основанием для этого утверждения является широко процитированная в историографии память митрополита Сибирского и Тобольского Филофея Лещинского архимандриту Сильвестру, датированная 1716 годом и повелевающая набирать в Верхотурском уезде детей окрещенных вогулов, способных к обучению, и «учити их прилежно», а по возможности отсылать таких малолеток и в отдаленный Тобольск, где уже существовала при архиерейском доме школа, в которой обучались дети новокрещеных. Эта память была дана во исполнение указа императора Петра I (предписания об учреждении школ при монастырях издавались им неоднократно как до, так и после 1716 года) и приказа сибирского губернатора князя Матвея Петровича Гагарина².

Ни одного документального свидетельства о практическом исполнении этого предписания в Верхотурском Николаевском монастыре не сохранилось, поэтому версия об открытии школы для новокрещенных в Верхотурье в 1716 году остается пока недоказанной, хотя и вероятной³. Плохая сохранность монастырского архива, горевшего в 1762 году, не позволяет пролить свет на эту проблему. Впервые «школа» и «студенты» упоминаются в монастырском делопроизводстве в 1762–1763 годах, и эти сведения уже относятся не к обучению новокрещенных, а к обучению детей священнослужителей.

Более надежные свидетельства о существовании «училища» в первой четверти XVIII века относятся к Далматовскому Успенскому мужскому монастырю. В 1719 году по стране приводили к присяге верности наследнику российского престола, и в обещательном листе об этом от 31 мая среди обитателей далматовской вотчины упоминаются и «обретающиеся во училищи». Впрочем, сами «обретающиеся» упоминаются 9 человек подписаться не сумели, за них это сделал «мастер их Фалелей Леонтиев», что считается свидетельством того, что училище при монастыре было образовано незадолго до приведения к присяге⁴. К присяге в то время приводили с 8-летнего возраста.

В. Н. Татищев, посетивший Далматовский монастырь дважды – в 1721 и 1736 годах – в своем сочинении «Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской» отметил, что при обители имеется «училище для младенцев», в котором обучают всех желающих на монастырский счет. При этом Татищев указал, что содержание данного училища является требованием устава, восходящего к основателю монастыря Далмату⁵.

Еще одно упоминание о существовании при монастыре школы для детей монастырских служителей относится к 1734 году. Она размещалась в особой келье, а преподаванием чтения, письма, четырех действий арифметики занимался Петр Кирвянов⁶.

Сопоставляя эти разрозненные свидетельства, можно сделать вывод, что упомянутое училище было создано для детей крестьян монастырской вотчины, и хотя дата его основания не установлена, но к 1719 году оно уже существовало, а возможно, функционировало и много раньше. Создание училища носило явно прагматический характер: для управления большой вотчиной (Далматовский монастырь в то время был самым крупным церковным землевладельцем на Восточном Урале) требовалось определенное количество грамотных людей, которые могли исполнять должности писцов и т. п. Надо полагать, что для подобных целей обучали вотчинных крестьян и в других обителях региона.

Приписной к Далматовскому Успенскому женский Верх-Теченский Введенский монастырь, на который распространялись и уставные нормы, составленные старцем Далматом, также был обязан обучать девочек-сирот. Судить о реальном исполнении этой нормы до 60-х годов XVIII века довольно сложно. В 1722 году была проведена перепись всех 75 монахинь и послушниц этой обители, среди них оказалось лишь 5 «книжному писанию ученых», и еще одна малолетняя послушница находилась «в книжном учении», т. е. грамотными были всего 8% обитательниц монастыря. В XVIII веке в женские монастыри поступали обычно в довольно юном возрасте (так, в Верх-Теченском Введенском в 1722 году 30% насельниц пришли в обитель в возрасте до 20 лет). Большинство сестер были крестьянского происхождения. И если столь незначительный процент обитательниц самой обители приобретал грамотность, то вряд ли при монастыре существовало училище для девочек-сирот, скорее обучение осуществлялось в редких случаях в частном порядке. К 1755 году положение уже изменилось: среди сестер обители 18% были «учены грамоте», причем 10% (5 человек) из них – уроженцы монастырской вотчины. Этот факт может служить косвенным свидетельством распространения начального образования среди девочек в монастырской вотчине⁷.

Настоятели Далматовского Успенского монастыря являлись в XVIII веке и заказчиками (т. е. исполняли административные обязанности в рамках церковного округа – заказа, включавшего несколько десятков церквей). Как на одно из церковных учреждений на монастырь указом Тобольской архиерейской консистории от 30 августа 1748 года была возложена обязанность открыть славяно-российскую школу для начального обучения детей духовенства, и одновременно в монастырь из Тобольска отправлялись «при указах и пашпортах» 15 отпрысков духовенства Далматовского заказа. Вскоре к ним присоединились еще 16 бывших учеников Тобольской архиерейской школы. Причиной такого административного решения стал недостаток средств на содержание архиерейской школы в Тобольске, а также нежелание священников отправлять своих детей для обучения в далекую Сибирь. 10 октября 1748 года начались занятия. Учителем славяно-российской школы был определен распоп Кирило Павлов «с товарищи». Об успехах учеников преподаватели обязаны были два раза в год рапортовать в Далматовское духовное правление, а оттуда ведомости об учащих отправлялись в Тобольскую духовную консисторию.

В 1761 году курс обучения в Далматовской школе был расширен за счет введения преподавания латыни. Школа стала называться латинской, или семинарией. Чтобы справиться с увеличившимся потоком учеников, часть детей из младших классов обучались славяно-российской грамоте и чтению в женском Верх-Теченском монастыре, а для постижения латыни переводились в Далматовский Успенский монастырь⁸.

С 1762–1763 годов упоминается и «латинская» школа при Верхотурском Николаевском монастыре, созданная, очевидно, одновременно с Далматовской семинарией.

Детей монастырских крестьян и служителей обучали отдельно с семинаристов, без преподавания латыни. После секуляризации церковных владений в 1764 году надобность в обучении крестьянских детей для административно-хозяйственных целей отпала сама собой.

«Латинские» школы при Верхотурском и Далматовском монастырях просуществовали недолго: по одним сведениям – до 1768 года, по другим – до 1779 года, после чего преподавание латыни в них было отменено и школы стали называться «русскими». Обучались в них дети священнослужителей и самих монашествующих.

Как «латинские», так и «русские» школы при монастырях по кругу преподаваемых в них предметов уже явно выходили за рамки начальных учебных заведений, приобретая характер сословных специальных средних заведений для духовенства⁹. Выпускники этих школ могли либо продолжить свое обучение в Тобольской семинарии или певческой школе, либо поступить на службу при церквях в качестве причетников, либо стать канцелярскими служителями. В таком качестве школа при Верхотурском монастыре (под различными названиями) просуществовала до 1881 года, когда была закрыта из-за отсутствия учеников, а в 1888 году преобразована уже в одноклассную церковно-приходскую школу для детей крестьян и горожан. В Далматовском монастыре «русская» школа просуществовала до 1800 года, а с 1816 года стала функционировать как духовное училище, пользуясь только помещениями обители. Начальная школа для детей крестьян и горожан была создана при обители только в конце XIX века.

Таким образом, можно отметить, что начальные школы при обителях Восточного Урала создавались отнюдь не с благотворительными, а с сугубо практическими целями: для кадрового обеспечения административного аппарата монастырских вотчин и для профессиональной подготовки будущих священнослужителей. Школы для вотчинного населения прекратили свое существование после секуляризации 1764 года, а начальные школы для детей духовенства в 60-е годы XVIII века превратились в сословные средние учебные заведения.

Следующий этап развития начального образования при монастырях Урала связан с новой эпохой в существовании самого монашества, начавшейся после секуляризации церковных вотчин¹⁰. В новых условиях заведение начальных училищ стало и проявлением искреннего стремления монашествующих к благотворительности по отношению к детям-сиротам, и дополнительным доводом при рассмотрении вопроса об официальном утверждении самих монастырей.

Сестры Екатеринбургского Ново-Тихвинского женского монастыря, первое упоминание о фактическом существовании которого относится к 1796 году, с первых лет после создания обители призревали малолетних

девочек-сирот и давали им домашнее образование. Этот факт они обязательно подчеркивали, подавая прошения об официальном признании их общины (в 1808 году) и утверждении монастыря в качестве штатного первоклассного (в 1821 году). При этом сестры изъявляли желание и впредь заниматься столь богоугодным делом¹¹. Призрение сирот стало неписаной нормой для обители. В начале XX века, например, настоятельница обители Магдалина (Досманова) объясняла епархиальным ревизорам, выяснявшим причины образования значительных монастырских долгов, что «...при предшественницах ея не был ограничен прием детей в монастырь и что еще первую Игуменьей монастыря Таисиею, как она слышала от Игуменьи Магдалины 1-й, пред смертью было выражено желание, чтобы дети в монастырь принимались безпрепятственно, почему и она, Настоятельница, не отказывала детям в приеме в монастырь»¹².

4 сентября 1838 года при обители открылось училище для девочек. Преподавание велось одним из монастырских священников, а навыкам рукоделия детей обучала монахиня, являвшаяся и надзирательницей училища. Училище и ученицы-сироты полностью содержались за счет обители. В 1848 году после посещения обители архиепископом Пермским Аркадием для училища был разработан в Перми специальный устав, количество преподавателей увеличено до 3 (два священника и монахиня), причем они должны были по-прежнему преподавать «без всякого договора и без всякого возмездия», уточнен круг преподаваемых предметов. Курс обучения включал «чтение церковной и гражданской печати», основные молитвы, Закон Божий, хозяйство и рукоделия. Желающие могли обучаться письму. Изучение начал арифметики предписывалось «смотря по удобности». Показательно, что устав предусматривал и некоторые методические аспекты преподавания. Так, рекомендовалось разъяснять детям все слова при обучении чтению, церковные праздники и обряды, преподаватели должны были составлять планы уроков или после урока записывать порядок его проведения и отчитываться по урокам еженедельно перед настоятельницей, три раза в год – перед посетителями и раз в год – на открытом испытании. Как исполнялись эти нормы устава на практике, судить сложно. Прием в училище был открыт для всех сословий, даже для детей раскольников и единоверцев, но на практике училище посещали только православные дети, в основном «девицы духовного звания» – сироты или из бедных семей. На каждую сироту духовного происхождения монастырь получал пособие от попечительства о бедных духовного звания в размере от 20 до 40 р., которое частично компенсировало затраты на ее содержание и обучение¹³.

С 1865/66 учеб. года училище было преобразовано в 4-классное, имеющее характер среднего учебного заведения. Одновременно при обители с разрешения епархиального начальства был открыт детский приют для первоначального обучения и воспитания девочек-сирот духовного сословия 6–10 лет, по окончании которого они могли поступать в 1-й класс училища. Девочки обучались в приюте «чтению по церковной и гражданской печати, чистописанию, изучению Символа веры, Молитвы Господней, Десятословию, некоторым утренним и вечерним молитвам, рукоделиям соответственно возрасту»¹⁴. Часть приютских детей содержалась за счет монастыря, часть – за счет родителей, но большинство – за счет попечительства о бедных духовного звания. В 1870 году в приюте было 23 девочки, в 1872 – 16, в 1873 – 30, в 1882 году – 22¹⁵.

Приют открылся по инициативе настоятельницы монастыря Магдалины (Неустроевой), которая сама поступила в обитель четырехлетним ребенком, здесь обучилась грамоте, а в 1848–1858 годах стала помощницей попечительницы училища. Сохранилось воспоминание одного из современников об отношении настоятельницы Магдалины к приютским сиротам: «Так случилось, что одно из именитых лиц, посетивших Игумению, встретило в келиях ее одну из этих сирот и спросило ее: “Что, матушка Игумения родня тебе?” „Нет, не родня, а только мама”, – ответила сиротка»¹⁶. За свое усердие в благоустройстве училища Магдалина (Неустроева) пять раз получала благословения и другие отличия от епархиального начальства и Синода.

15 ноября 1900 года при монастыре открывается одноклассная церковно-приходская школа с общежитием при ней. На их устройство было израсходовано 6 400 р., из которых 4 000 р. пожертвованы екатеринбургским купцом М. И. Ивановым, а 2 400 р. выделены из средств монастыря. В 1903 году в этой начальной школе уже обучались 50 девочек, из них 37 жили в монастыре, а 13 были приходскими. Живущие в обители питались от монастыря, а 27 из них выдавалась одежда и обувь. Учительницы получали от монастыря стол, квартиру и жалованье (60 р. в год). В 1903 году монастырь израсходовал на содержание школы и общежития 6 429 р. В этой же школе учились и 8 приютских детей, достигших 8-летнего возраста, которые были уже не из духовного сословия, а из крестьян, и находились на полном монастырском иждивении¹⁷. В 1912 году в монастырском приюте жили 12 девочек, в 1913 – 16, и среди них уже не было ни одной сироты, происходившей из духовного сословия, все дети родом из крестьян и мещан. В приют они попали в возрасте от 2 до 8 лет, а достигнув 7–8-летнего возраста, начинали учиться в монастырской церковно-приходской школе. Таким образом, в начале XX века монастырский приют перестал быть сословным учреждением, и в нем остались уже только самые маленькие дети (дошкольники, по современным понятиям), которые по мере взросления переходили в общежитие при церковно-приходской школе¹⁸.

В приюте детей обучали и воспитывали сестры обители. В 1870 году, например, с этими задачами справлялись надзирательница монахиня Нимфодора (Софонова), ее помощница рясофорная послушница Наталья Ивановна Пахнина, обе грамотные. В 1912 году в приюте (и, вероятно, общежитии при школе) были заняты 12 человек. Монахиня Анатолия (Хомутова), родом из мещан, поступившая в монастырь в 10-летнем возрасте и здесь обучившаяся чтению и письму, была старшей в приюте, остальные сестры были послушницами, почти все родом из крестьян¹⁹.

Дети в обители жили не только в приюте и общежитии, но и в сестринских корпусах и считались в последнем случае малолетними послушницами. В 1903 году, например, в монастыре проживали 100 детей в возрасте до 14 лет, из них только половина, очевидно те, кто был неграмотен, находились в общежитии. Большая часть таких малолеток и по достижении совершеннолетия не покидали обители, становясь послушницами²⁰.

Начальное образование в стенах обители получали не только дети, но и взрослые. Значительная часть девушек, приходящих в обитель с желанием принять монашеский постриг в возрасте до 30 лет, получала здесь навыки чтения и письма. В результате Екатеринбургский Ново-Тихвинский монастырь имел самых образованных сестер из всех обителей Екатеринбургс-

кой епархии. Из живших в монастыре в 1870 году насельниц (не считая приютских детей) 89 % (64 из 72 человек) получили начальное образование в монастыре (к этому году или несколько лет спустя), аналогичным был показатель за 1912 год – 62 % (608 человек из 985)²¹.

Начальные школы были заведены и при большинстве других монастырей, возникших в Екатеринбургской епархии в XIX веке. По сведениям на 1913 год, учебные заведения существовали при 11 монастырях и общинах из 15 функционировавших в то время. Исключение составляли только самые отдаленные обители, расположенные вдали от населенных пунктов (например, Кыртомский Крестовоздвиженский мужской монастырь, Бобровская Алексеевская женская община), обители, существующие всего несколько лет (например, Усть-Карабольская Покровская община), и бедные молодые обители, основанные в населенных пунктах, где уже имелось достаточно учебных заведений (например, Верхотурский женский Успенский монастырь). При мужских Далматовском Успенском и Верхотурском Николаевском монастырях имелись двухклассные церковно-приходские школы, которые можно считать средними учебными заведениями.

При Верхотурском монастыре двухклассная школа была образована в 1905/06 учеб. году из существовавшей там с 1888 года одноклассной церковно-приходской школы. При школе с 1906 года открылось общежитие для детей. Все заботы о школе и общежитии, в том числе об обучении, лежали на монашествующих обители. В 1914 году общежитие при школе было преобразовано в приют, пополнявшийся в годы Первой мировой войны за счет детей солдат и беженцев. Приют просуществовал как минимум до 1919 года (на 1 января этого года в нем находилось 42 мальчика в возрасте от 8 до 15 лет)²².

При Далматовском Успенском монастыре после перевода в 1886 году в г. Камышлов существовавшего здесь на особых училищных правах с 1816 года духовного училища (с 1918 года – уездного духовного училища, с 1881 года имевшего 4-классный курс обучения) открылась 2-классная церковно-приходская школа для всех желающих, а при ней – образцовая одноклассная церковно-приходская школа, где учащиеся 2-классной проходили практические занятия, готовясь стать по окончании школы учителями начальных школ. В церковно-приходских школах при обители обучались и малолетние послушники самого монастыря. Так, в 1907 году в начальной одноклассной школе обучались 9 таких послушников, а в 1908 году – 15 в возрасте от 6 до 15 лет²³. Эти послушники полностью содержались за монастырский счет.

При вновь созданном на месте Верх-Теченского Введенского монастыря Верх-Теченском Покровском с 1870 года действует начальное училище для девочек, полностью содержавшееся на счет обители. Обучались в нем девочки из семей «окрестных поселян», училище было всесословным, а преподаванием занимались сами сестры обители и монастырский священник. В 1870 году в училище было 12–14 девочек, в 1871 – 18, в 1881 году – 23. Детей обучали чтению, пению, письму и разным рукоделиям²⁴.

Такое же училище создается и при Покровской женской общине, существовавшей в пос. Каменского завода с 1822 года. Сведения о школе фиксируются с 1870 года. Школа была всесословной, размещалась в монастырском здании и находилась на иждивении обители. Обучением грамоте и рукоделиям занимались сестры монастыря (в 1881 году – 2) и монастыр-

ский священник. В школе в 1870 году числилось 21–25 учениц, в 1871 – 21–22, в 1873 – 22–23, в 1874 – 20–23, в 1875 – 20–22, в 1877 – 22, в 1878 – 22–24, в 1881 году – 20²⁵.

Аналогичная школа имелась при Покровской женской общине, существовавшей в с. Колчеданском с 1865 года. Сведения о школе относятся к 1870 году. В этом году в школе учились 17 человек, из них 4 – малолетние послушницы общины, в 1871 – 25 девочек (из них 3 послушницы), в 1875 – 7 (3 послушницы), в 1881 году – 52 (6 послушниц)²⁶. Из 148 человек, живших в Колчеданском Покровском женском монастыре в 1908 году, 115 (78 %) получили начальное образование при этой обители (в школе или в виде «домашнего образования» под руководством грамотных сестер)²⁷.

При Нижне-Тагильской Скорбященской богадельне, основанной с 1883 года, с начала 1897/98 учеб. года открывается школа грамоты для девочек. В первый год существования в ней было 14 учениц. В 1900/01 учеб. году в ней обучалось уже 20 девочек из близлежащих обывательских домов. В 1901 году для школы было построено особое здание, способное вместить до 40 человек. Показательно, что корпус монастырской школы был единственным каменным жилым строением в обители. В 1902 году, как только богадельня получила официальный статус монашеской общины, школа грамоты преобразована в одноклассную церковно-приходскую школу со специальными уроками по домоводству, огородничеству и рукоделию. К моменту получения общиной статуса монастыря в 1904 году в школе учились 40 девочек. Учительницей в школе была одна из сестер обители. Так, в 1907–1912 годах на этом послушании зафиксирована рясофорная послушница Александра Рыбакова, родом из мастеровых Нижне-Тагильского завода, окончившая 3-классное городское Александровское училище в г. Троицком. В 1912 году (возможно, и раньше) у нее была помощница – послушница Августа Игнатъева, выпускница монастырской школы, родом из мещан Екатеринбурга, с 1913 года исполнявшая обязанности второй учительницы этой школы. Часть учениц школы проживала в самой общине (как малолетние послушницы) и содержалась полностью за ее счет. В 1907 году, например, это были 4 девочки, в 1908 – 6, в 1912 году – 9²⁸.

Начальная школа и приют имелись и при Красносельском Введенском женском монастыре. Сведений о них сохранилось немного. Приют при обители существовал уже к 1894 году (монастырь был основан в 1874 году). В школе учились и малолетние послушницы, например, в 1907 году 27 насельниц из 141 (19 %) были обучены в школе при этой обители.

Вероятно, незадолго до 1912 года появилась школа при Верхотурском Покровском женском монастыре. В ней учились и малолетние послушницы обители. Так, в 1912 году в этой школе обучались 17 из 188 насельниц обители (9 %), а в 1913 году – 13 из 194 человек (7 %).

К 1913 году существовали школа при Каслинском Казанско-Богородицком женском монастыре и приют при Грязновской Покровской женской общине, но сведениями о них мы не располагаем.

В тех обителях, где не было открыто школ, малолетние послушницы обучались навыкам чтения и письма у сестер (в единственном мужском монастыре, при котором не было школы, – Кыртомском Крестовоздвиженском, такое обучение не велось). Например, в Верхотурском Успенском монастыре, основанном в 1901 году, из 143 насельниц, проживавших в нем

в 1912 году, 20 получили образование при монастыре (14 %), а в 1918 году 5 насельниц из 41 обучались при монастыре (12 %). В Бобровской Алексеевской общине в 1913 году «домашнее образование» в обители получали 3 девочки 8–9 лет из 108 насельниц (3 %) ²⁹.

Подводя итоги, можно отметить существенное отличие в отношении монастырей Восточного Урала к делу начального образования в XIX – начале XX века по сравнению с более ранним периодом. Если в XVIII веке немногочисленные школы открывались при обителях исключительно с практической целью (для подготовки административных кадров для монастырских вотчин или в интересах духовного сословия – для подготовки священнослужителей), то в послесекуляризационный период постановка начального образования при обителях постепенно приобретает все более отчетливый характер благотворительности, направленной на беднейшие слои всех сословий российского общества того времени. Показательно, что по мере развития системы призрения сирот в рамках духовного сословия, Екатеринбургский Ново-Тихвинский монастырь перешел от практики содержания школы для сирот из семей духовенства к устройству церковно-приходской школы и приюта для детей всех сословий, в которых большинство составляли уже крестьянские дети. Следует отметить и то обстоятельство, что в XVIII веке школы создавались в основном при мужских монастырях, а в последующий период инициаторами их создания в большей мере выступали женские обители. На этом поприще обители проявляли разное рвение. Отдаленный Колчеданский Покровский женский монастырь, например, благодаря неустанному вниманию к делу начального образования, стал самым «грамотным» во всей епархии по составу насельниц. Много сил, средств отдавал начальной подготовке своих обитательниц и Екатеринбургский Ново-Тихвинский женский монастырь. Другие обители Восточного Урала также внесли заметный вклад в развитие начального образования в регионе.

¹ См.: *Зауральский*. Верхотурский Николаевский монастырь как родоначальник просвещения в Зауральском крае // Екатеринбургские епархиальные ведомости (далее ЕЕВ). 1913. № 32. Отд. неофиц. С. 753–757.

² См.: Там же. С. 756; *Очерки истории и культуры города Верхотурья и Верхотурского края: К 400-летию Верхотурья*. Екатеринбург, 1998. С. 107; *Павловский В.* Вогулы. Казань, 1900. С. 89; *Акишин М. О.* Полицейское государство и сибирское общество. Эпоха Петра Великого. Новосибирск, 1996. С. 117.

³ О типичной для России XVIII века картине исполняемости правительственных предписаний см.: *Нечаева М. Ю.* Монастыри и власти: управление обителями Восточного Урала в XVIII в. Екатеринбург, 1998.

⁴ См.: *Плотников Г.* Взгляд на училище при Далматовском монастыре, с 1719 по 1818 г. по актам архивным // Пермские епархиальные ведомости. 1868. № 1. Отд. неофиц. С. 1–2; Первоначальная история бывшего Долматовского духовного училища // ЕЕВ. 1888. № 37. Отд. неофиц. С. 856.

⁵ См.: *Татищев В. Н.* Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской // *Татищев В. Н.* Избранные сочинения. Л., 1979. С. 252–253.

⁶ См.: *Плотников Г.* Взгляд на училище... С. 4; Первоначальная история... С. 857–858.

⁷ Подсчитано по материалам: Шадринский филиал Государственного архива Курганской области, ф. 224, оп. 1, д. 176, л. 5 об. – 6; д. 520, л. 6 об. – 11.

⁸ См.: *Плотников Г.* Взгляд на училище... С. 7–8.

⁹ См.: Там же. 1868. № 2. Отд. неофиц. С. 22–24; *Зауральский*. Верхотурский Николаевский монастырь... С. 757–759.

¹⁰ Об особенностях этого этапа развития монашества см.: *Нечаева М. Ю.* Уральские монастыри // *Очерки истории Урала*. Вып. 3. Духовная культура Урала. Екатеринбург, 1997. С. 79–111.

¹¹ См.: *Иконников В.* Историческое описание Екатеринбургского Ново-Тихвинского первоклассного девичьего монастыря. СПб., 1875. С. 6, 91; *Материалы для истории Екатеринбургского женского монастыря // ЕЕВ. 1905. № 14. Отд. неофиц. С. 473; 1907. № 11. С. 247; 1910. № 5. С. 126; Керский С.* Ново-Тихвинский монастырь в городе Екатеринбурге. СПб., 1892. С. 8.

¹² Государственный архив Свердловской области (далее ГАСО), ф. 6, оп. 4, д. 165, л. 21 об. – 22.

¹³ См.: *Иконников В.* Историческое описание... С. 91–95; *Керский С.* Ново-Тихвинский монастырь... С. 9.

¹⁴ ГАСО, ф. 603, оп. 1, д. 493, л. 101–102.

¹⁵ См.: *Иконников В.* Историческое описание... С. 101–103; ГАСО, ф. 6, оп. 4, д. 165, л. 21 об. – 22, 29–29 об.; ф. 603, оп. 1, д. 454, л. 44 об., 202 об.; д. 454, л. 124 об. – 125; д. 493, л. 91 об. – 92, 101–102.

¹⁶ *Младов Г.* Настоятельница Екатеринбургского Ново-Тихвинского девичьего первоклассного монастыря игуменья Магдалина: (Биографический очерк ее, кончина и погребение) // ЕЕВ. 1893. № 5–6. Отд. неофиц. С. 114.

¹⁷ ГАСО, ф. 6, оп. 4, д. 165, л. 28 об. – 29.

¹⁸ ГАСО, ф. 603, оп. 1, д. 719, л. 258 об. – 259, 265; д. 731, л. 253 об., 255 – 256 об.

¹⁹ См.: *Иконников В.* Историческое описание... С. 101; ГАСО, ф. 603, оп. 1, д. 719, л. 146 об. – 147, 159 об. – 160, 166 об. – 167, 191 об. – 192, 207 об. – 208, 209 об. – 210, 214 об. – 215, 221–223, 233 об. – 234, 261, 264 об.; д. 731, л. 144 об. – 145, 159 об. – 160; 165 об. – 166, 189 об. – 190, 204 об. – 205, 207 об. – 208, 211 об. – 212, 217 об. – 218, 222 об. – 223, 233 об. – 234, 260, 261.

²⁰ ГАСО, ф. 6, оп. 4, д. 165, л. 21 об. – 22.

²¹ Подсчитано по материалам: ГАСО, ф. 603, оп. 1, д. 443, 719, 731.

²² ГАСО, ф. 603, оп. 1, д. 737, л. 16, 32 об., 33, 34 об.; д. 733, л. 8 – 8 об.

²³ Подсчитано по материалам: ГАСО, ф. 603, оп. 1, д. 681, 688.

²⁴ ГАСО, ф. 603, оп. 1, д. 454, л. 44 об., 124 об. – 125, 334 об., 340 об., 377; д. 493, л. 92.

²⁵ ГАСО, ф. 603, оп. 1, д. 454, л. 3, 21 об., 23, 44 об., 114, 124 об. – 125, 126, 133а об., 153–154, 251 об., 257–258, 261, 360 об., 378, 391 об., 405 об., 430 об.; д. 493, л. 92.

²⁶ ГАСО, ф. 603, оп. 1, д. 454, л. 126, 133а об., 302 об., 336; д. 493, л. 92.

²⁷ Подсчитано по материалам: ГАСО, ф. 603, оп. 1, д. 688.

²⁸ *Павловский С.* Нижне-Тагильский Скорбященский женский монастырь Екатеринбургской епархии // ЕЕВ. 1905. № 10. Отд. неофиц. С. 318, 320; № 11. С. 347, 352, 354; ГАСО, ф. 603, оп. 1, д. 681, 688, 719, 731.

²⁹ Подсчитано по материалам: ГАСО, ф. 603, оп. 1, д. 681, 688, 719, 731, 734.

А. Б. Суслов

ПРАВОВОЙ СТАТУС СПЕЦПОСЕЛЕНЦЕВ НА УРАЛЕ В 30-х – НАЧАЛЕ 50-х ГОДОВ XX ВЕКА

Исследование правового статуса различных категорий советского зависимого населения является весьма значимым аспектом изучения социальной истории СССР. Проблема правового статуса спецпоселенцев получила определенное освещение в историографии¹, однако она требует дальнейшего углубленного изучения. Особенного внимания заслуживает сопоставление официального, провозглашенного *de jure*, и реального, установленного *de facto*, статуса